

ГАЛИНА ФЕДЮНЕВА (Сыктывкар)

ЗАГАДОЧНОЕ ЗЫРЯНСКОЕ СЛОВО *абутор 'МЕДВЕДЬ-САМЕЦ В ПОРУ ТЕЧКИ'**

Abstract. A Mysterious Komi Zyrian Word: *абутор 'male bear in heat'*
The paper investigates the Russian dialectal word *абутор* 'male bear in heat' and its later fixation *абуторъ* 'walking (not hibernating) bear'. The author proposes to discuss its new interpretation. Based on semasiological and onomasiological analysis of vocabulary extracted from various lexicographical, cultural-historical and religious-mythological sources, it is argued that the motivation for the designation could be the mythologeme "werewolf bear", which existed in the superstitious beliefs of the mixed population of the northern territories. An analysis of a group of words associated with superstitious and mythological ideas about werewolf as well as their widespread use in the function of swear words, made it possible to find the origin of the obscure lexeme in question in the North Russian word *абатур* (*оботур*) 'stubborn'; this word retains to a certain extent the meanings 'nasty, transverse, opposite' in its internal structure, i.e. one who does everything in the opposite way → *reverse evil spirits, werewolf. Under the conditions of close Zyrian-Russian contacts, in the speech of Komi-Zyrian bilinguals, the word underwent adaptation to a familiar lexeme: Russian *абатур* → Komi *абутор*, cf. *абутор* 'nothing; what is not present', and in this form it was documented from Russians or, rather, Russified Komi in the meaning of 'a bear in an unnatural state (during rutting or winter wakefulness)'.

Keywords: Komi—Russian contact, Russian dialect vocabulary, obscure lexeme, semantic-motivational reconstruction, etymology.

Введение

В известном словаре В. И. Даля среди 200 тысяч лексем живого великорусского языка без конкретной географической привязки и с двумя вопросительными знаками приведено диалектное слово *абуторъ?* (зыр.?), арх. 'медведь-самец в пору течки' (Даль I 2). В таком же виде оно представлено в словаре русских народных говоров (СРНГ I 192). По-видимому, также

* Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, № гос. регистрации FUUU-2021-0008 «Пермские языки в лингвокультурном пространстве Европейского Севера и Приуралья».

Received 25 April 2024, accepted 16 September 2024, available online 10 December 2024.

© 2024 the Author. This is an Open Access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution 4.0 International Licence CC BY 4.0 (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>).

из словаря В. Даля, но уже без вопросительных знаков, слово перешло и в словарь иностранных слов А. Н. Чудинова: *абуторъ* (зыр.) — название медведя самца (Чудинов 10). В качестве языкового реликта сегодня гапакс кочует по разным интернет-ресурсам, встречается в электронных словарях, энциклопедиях, кроссвордах, форумах и т. д.¹

Несколько иную форму, значение, и, надо полагать, источник оно имеет в словаре И. И. Мосеева, где фиксируется как факт поморьской говори, к сожалению, тоже без конкретной географической привязки: *абуторъ* 'медведь-шатун': *абуторъ-от не валище спать на зиму* (Мосеев 2005 : 35).

Недостаток информации и архаизация семантической структуры слова делают его этимологизацию практически невозможной, по крайней мере, на основе только языковых фактов. Две имеющиеся на данный момент версии естественным образом опираются на отсылку В. И. Даля к коми-зырянскому языку. Так, А. Е. Аникин сравнивает первую часть слова с коми лексемой *абу* 'нет, не имеется, не', отмечая (под вопросом), что слово *абутор* может представлять собой «Описательное (вследствие табу) обозначение, включающее отрицание?» (РЭС I 74). Несколько иное мнение у С. А. Мызникова: «Вероятно, данную единицу можно рассматривать как коми *абу* 'не, нет' и *тöр* 'хрупкий, слабый' (РДЭС 32). Запись И. И. Мосеева в обеих этимологических версиях не рассматривается.

В статье изложены результаты нового исследования, которое проводилось с применением методических установок семантико-мотивационной реконструкции, опирающейся на семасиологический и ономасиологический параметры анализа в их тесной взаимосвязи. При этом особое внимание уделялось реконструкции ситуации появления лексической единицы, ее мотивацио-номинативной модели и процесса формирования в историко-культурном контексте.

В качестве основного инструмента использована методика семантической реконструкции «как одна из составляющих этимологического анализа, позволяющая восстановить изначальный смысл слова, который скрыт под толщей времени и не представлен в синхронной речевой практике» (Березович 2014 : 199). Применялись разные приемы: выявление в синхронной семантике слова отдельных компонентов, нюансов, скрытых смыслов; поиск семантико-мотивационных параллелей; учет семантико-дериационных и контекстных связей слова внутри языковой системы и т. д.

1. Верификация зырянского источника

Из имеющейся информации, т. е. по фонетическому облику слова и его принадлежности архангельским говорам, зырянский источник действительно выглядит наиболее вероятным. В коми языке даже имеется полностью омонимичное слово *абутор* 'ничто; нечто отсутствующее', которое образовано с помощью суффикса *-тор* с абстрактным значением,ср.: *выльтор* 'новость' < *выль* 'новый'; *быдтор* 'всякая вещь' < *быд* 'всякий, каждый'; *вёвлытёмтор* 'небылица' < *вёвлытём* 'небывалый' и т. д. (Федунева 1985 : 89—91).

Самостоятельно слово употребляется редко, например, *Гриша усис война вылын, а б у т о р нин сийё* 'Гриша погиб на войне, его уже нет'¹ Например, <https://rus-synonim-dict.slovaronline.com/732-абутор>, <https://text.ru/synonym/абутор>, <https://www.krossvordskanvord.com/slovo/медведь> и др.

(букв. он уже ничто).² Чаще встречается в форме *абутёмтор* с кративным суффиксом *-тём* (*абутём* 'отсутствующий, несуществующий') или в сочетании с основным для этого значения словом *нинём, нем* 'ничто', например: *н и н ё м а б у т о р т ё н е к о р о н в о ш т* 'то, чего у тебя нет, не потеряешь'; *о г г ё г ё р в о, м и й л а т ё н а д б и д н е м а б у т о р в ё с н а й с с ё ѥ л ё м ё д в и с ъ ё?* 'Не пойму, почему у тебя по всякому пустяку (букв. ничего нет) сердце болит?'

Несмотря на формальное тождество, лексема со значением 'ничто' или 'то, чего нет' не очень подходит для наименования медведя, пусть даже в эвфемическом смысле. Хорошо известно, что медведь у многих народов считается царем зверей, самым сильным и грозным для населения животным, соответственно, традиционные табу медведя связаны с образом его как старшего в лесу, которого уважают и боятся: 'зверь', 'хозяин', 'старик', 'дедушка', 'он', 'сам', и т. д. (Зеленин 1929 : 99–110 и др.).

В традиционном мирпонимании коми медведь также считался живым воплощением лесного духа или его ипостасью, которая к тому же обладает большим внешним сходством с человеком: медведь — это *вёр морт* (т. е. лесной человек), он с пальцами, как человек. Близость к духам-хозяевам леса определила то, что в отношении его использовались наименования, мотивированные, как правило, местом обитания и почитанием его как человекоподобного существа вроде *вёр айка* 'лесной свекр', *вёр дядь* 'лесной дядя', *вёр поль* 'лесной дед' и т. д. (Мифология 269–271; Конаков 1983 : 186, 190, 192, 193–199 и др.).

Подобные исторические эвфемизмы не только сохранились в фольклоре, этно- и лексикографических источниках прошлого, например, *дзор старик* 'седой старик': *ме дзор старикös аддзылы* 'Ich habe einen Bären (eig. einen grauen Alten) gesehen' (Fuchs 1923 : 262; Fokos-Fuchs 1951 : 248–250; 1959 : 711–712); *морт-ош* букв. человек-медведь, *mорт-ош* 'Bär, der einen Mensch anfällt (er ist aus einem Menschen entstanden und ist klüger als ein gewöhnlicher Bär)' (Wichmann & Uotila 1942 : 187), но и фиксируются в современных исследованиях (Конаков 1994 : 64–65 и др.). В этом контексте сложно представить, что слово со значением 'ничто' или 'то, чего нет' могло быть использовано коми охотниками для прямой табуизации или даже случайного иносказательного обращения к «хозяину леса».

Учитывая повышенную мифологизированность, а также фактор исходящий от него реальной опасности, вряд ли в отношении медведя могла быть применена и конструкция *абу* 'не' + *тёр* 'хрупкий, слабый, непрочный, трухлявый, истлевший (о холсте, коже, дереве и т. д.)' (СДКЯ II 561; ССКЗД 379). К тому же, в коми языке не отмечено ни одного случая эвфемического использования отрицательных конструкций типа *и чёт* 'не маленький', *абу бур* 'не хороший' и т. д. в отношении промысловых животных.

Прямое заимствование коми слова *абутор* и его эвфемизация уже на русской почве тоже исключаются как совершенно невероятные. Тем не менее, коми *абутор* 'ничто' может быть полезным для выяснения истории загадочного архангельского слова, если включить его в pragmatischen контекст, визуализировать, насколько это возможно, саму ситуацию номинации, привлекая дополнительный диалектный и фольклорно-этнографический материал, связанный с суеверно-мифо-

² Здесь и далее примеры из ККЯ, перевод наш — Г. Ф.

логическими воззрениями носителей севернорусских и коми-зырянских говоров.

2. Реконструкция мотивационно-номинативной ситуации в культурно-прагматическом аспекте

Синхронная семантика слова *абутор* 'медведь-самец в пору течки' / *абуторъ*³ 'медведь-шатун', а также общий историко-культурный фон периода его регистрации позволяют предполагать наличие во внутренней структуре дополнительных, «скрытых под толщей времен», значений.

Прежде всего, очевидно, что базовым мотивом номинации первонациально мог быть не сам медведь, а его состояние в особые периоды жизни, а именно, во время брачного гона или зимнего бодрствования. Известно, что в это время поведение медведей кардинальным образом меняется. Так, во время гона они становятся злобными, раздражительными, громко кричат, дерутся между собой и т. д. В этом состоянии они способны к неспровоцированным агрессивным действиям по отношению ко всему живому, в том числе человеку.⁴ Как особый природный феномен медведь-шатун также очень опасен для человека. Его характеризует повышенная подвижность, агрессия, не по сезону выраженное кормодобывающее поведение, включая хищничество и каннибализм, разорение жилых построек и т. д. (Пучковский & Рублёва & Буйновская 2019 : 127–128). В обоих случаях объект номинации находится в неестественном, пограничном состоянии, выходящем за пределы его обычного поведения. В этом состоянии он уже по-другому воспринимается человеком, превращается в особо опасное существо, вызывающее страх и неприятие.

Учитывая наивно-мифологическое мировосприятие человека в тот далекий период, когда появилось слово *абутор*, логично предположить, что его исходная семантика была мотивирована этим, не характерным для обычного медведя состоянием. Соответственно, семантический переход: необычное состояние объекта номинации → состояние, противоположное естественному состоянию, → ирреальность, потусторонность самого объекта номинации совершенно естественно приводит к мотивационной основе номинации: это не медведь, а что-то другое, превращенное в медведя → медведь-оборотень.

Рассказы о случаях перевоплощения человека в медведя сохранились во многих севернорусских фольклорных и этнографических источниках, например, записанных на территории распространения архангельских говоров: *Говорят, человек можа в медведя превратиться, ват и перевертух. Надо через коромысло перевернуться да еще слова каки-то знать, и медведем станешь. А раз медведя убили, шкуру сняли, а у него туша человечья. У папы на глазах человек в медведя оборотился. В воды вошел человек, а вылез медведем, в лес ушел и сказал одежды его не жгать.* (Черепанова 1996 : 56–57). Лексика, связанная с представлением о медведе-оборотне,

³ Смягчение конечного [p'] объясняется особенностями говора (Мосеев 2005 : 26).

⁴ В коми мифологии этот период называется *ош чуалан лун* — день любовных похождений медведя. По легенде, за отказ от большого пальца (как у людей) медведь получил разрешение Св. Николая в течение трех суток, начиная с Семенова дня (1 сентября по старому стилю), вести себя так, как ему хочется. Люди боялись в эти дни ходить в лес, так как святой не мог их защитить. Многие зырянские охотники придерживаются этого запрета и сейчас (Мифология 272, 417).

сохраняется и в усть-цилемском говоре — печорских русских говорах на территории Республики Коми (Шомысов 2015), например: *Овёртыши* — 1. Ловкий, хитрый человек. 2. Оборотень. *Есь медведи овёртывающа, вернецца целовек медведем, только ремень назади есь, овёртыши такой; Она увидела, его нет, одежду взела, овёртышем обернулась, и тоже медведем стала* (СРГНП 502) и др.

Суеверные представления о медведе-оборотне были распространены не только среди русского, но и других народов севера, в том числе финно-угров, и даже формировались в процессе взаимовлияния русских и местных мифологем.⁵ Сохранились они и в мифологии коми, которые верили, что медведь как сверхъестественное существо, наделенное разумом и силой, мог превращаться в человека; также поступали и колдуны-оборотни, перекуыркиваясь через медвежью шкуру (Петрухин 2005 : 218; Конаков 1983 : 198—199 и др.).

Таким образом, бытовавшая как в северорусских, так и зырянских суеверных представлениях мифологема «медведь-оборотень» с высокой степенью вероятности может быть рассмотрена в качестве исходной семантико-мотивационной основы исследуемого слова, что позволяет включить его лексический разряд слов, связанных с суеверными представлениями об оборотничестве.

3. Вероятностная реконструкция производящей основы

Поиск близких соответствий в сфере мифологической лексики коми языка не дал результатов. В процессе длительных контактов коми-зыряне усвоили от русских не только постулаты христианско-религиозного и фольклорно-мифологического мировоззрения, но и многие суеверные представления, в том числе, рассказы об оборотнях, заимствовав при этом и лексику, связанную с оборотничеством. В синхронии она представлена переводами русских конструкций вроде: *пёрны ошкё* 'превратиться в медведя', *ошкё карсыны* 'сделаться медведем', *вир выв ош моз горзö* 'кричит, как медведь на своей жертве, букв. как медведь на крови' (СДКЯ 1089—1090) и прямыми заимствованиями, например, *Заводити вётасьны лёк вётъяс, быттьё ме бёрся вётлысьё о б о р о т е н ь* 'Я стал видеть плохие сны, как будто за мной гоняется оборотень' (ККЯ).

В русском языке эта лексика группируется вокруг глагольного значения *вертеть, врашать: повернуть(ся), перевернуть(ся), обернуть(ся), превращать(ся), обращать(ся), обёртывать(ся)* и т. д. От них по типологически сходной модели образованы практически все зафиксированные в разных источниках названия исполнителя этих действий, оборотня: *оберть, обертун, обертиха, обертыш, обертной, овертун, юбертыш, овёртыш, опрокидень, переверть, перевертьен, переходень* и т. д. (Черепанова 1983 : 15, 75; 1996 : 56—57; СРНГ 22 : 35; Моеев 2005 : 87 и др.), а также бранная лексика, непосредственно связанная с этой «обертной нечистью» (Даль II 568).

Надо сказать, что вера в оборотней к концу XVIII века среди северных русских значительно ослабла. По свидетельству С. В. Максимова,

⁵ Например, И. Ю. Винокурова отмечает, что северорусское население «было посредником в распространении среди вепсов европейских верований в волков-оборотней. Попадая в вепсскую среду, они включались в рассказы о звере с аналогичными свойствами — медведе — и постепенно формировали синонимизм обоих образов» (Винокурова 2015 : 157).

в Вологодской губернии Тотемского уезда людей обирали в волка или медведя когда-то очень давно, когда были еще сильные колдуны, но ныне «даже в северных лесных трущобах, считающихся колыбелью всяких суеверий, миф об оборотнях не вылился в законченную форму. Оборотни здесь — существа временные, а не постоянные» (Максимов 1903 : 106—108).

О. А. Черепанова также отмечает, что на Севере мифологические представления об оборотнях встречаются редко, почти нет упоминания о вампирах, вурдалаках, упырях и т. д. Слова, связанные с оборотничеством, чаще фиксируются в бранно-эмфатическом употреблении, только частично сохраняя свой остаточно-мифологический характер (Черепанова 1983 : 15, 75).

Разряд бранной лексики представляет особый интерес, поскольку позволяет привлечь в исследование диалектное слово *абатур*, которое формально и семантически идеально подходит в качестве этимона тёмного слова *абутор/абуторь*.

4. Семантика и визуализация скрытых смыслов во внутренней структуре слова *абатур* 'упрямец'

Этимология русского слова *абатур* (в диалектах *абатур*, *обатур*, *оботур*, *оботур*, *абатура*, *обтур*) недостаточно прозрачна. Авторы ЭССЯ рассматривают его в общем контексте с диалектными словами *отур* 'разворот, поворот судна, плата течением, ветром и т. п. кормой вниз по течению', *отура* 'хмельное пиво; детская игра' и др. и реконструируют общую праслав. лексему **obtūrъ/*obtūra*, образованную от глагола **ob(y)turiti(se)*. К последнему, в свою очередь, восходит русский многозначный глагол *отурить, отурять* 'поворачивать, привести в смятение, обмануть' и др., а также глагол *обатуриТЬ* 'упрямиться' (ЭССЯ 30 : 220—221; см. и Фасмер I 56). Комментированный обзор этой и других версий дан в (РЭС I 66—67), где автор высказывает сомнение в праславянской древности слова **obtūrъ/*obtūra*, полагая, что «его предполагаемые рефлексы скорее возникли уже на великорусской почве».

В пользу последнего утверждения, на наш взгляд, свидетельствует современное бытование слова, которое в пространстве русских говоров фиксируется в разных значениях, очевидно, мотивированных разными значениями глагола *отурить, отурять* 'повернуть, развернуть, относить', перемещать, ударить, обмануть, одурманить' и т. д., а также глагола *турить* 'поворачивать, посыпать, отправлять, бранить' и т. д. (СРНГ 24 : 36—38; 45 : 268—269).

В целом, в русских диалектах и говорах более последовательно слово выступает в значении 'упрямый, несговорчивый человек'. Кроме него отмечаются частные, «территориальные» значения: яросл. *обатур* 'обманщик, плут'; сарат., влад., перм. *обатур* 'наглый человек, наглец'; сарат. 'бестолковый человек, дурак'; твер. 'сварливый человек'; волог., яросл. *оботуроватый* 'несообразительный, необщительный'; влад. *обатур* 'грубый и нелюдимый человек' и др. (СРНГ 21 : 352; 22 : 185).

Очевидно, что формирование каждого из этих значений на разных территориях было обусловлено наличием соответствующего компонента в семантической структуре производящего глагола. Например, для яросл.

обатур 'обманщик, плут' мотивирующим было значение 'лишить памяти, сознания, сделать бестолковым', 'обмануть', ср. яросл. *отурить* 'угнетающее подействовать на кого-л., подавить кого-л. нравственно', *отура* 'обманщик' (Кучко 2017 : 62).

Обращает на себя внимание то, что слово *абатур* в севернорусских говорах фиксируется примерно в тех же значениях, что и слово *оборотень* в бранном значении. Ср.: 1) *оборотень* волог., арх. 'непослушный, упрямый человек, ленивый человек, безобразный, глупый человек (СРНГ 22 : 17) и 2) волог., вят., перм., олон. *абатур, обатур, обтур* 'упрямец, неслух, околотень, непослушный, своенравный человек, лодырь, лентяй, заносчивый, высокомерный человек' (Дилакторский 7, 306; СРНГ 21 : 351—352; 22 : 35, 245; СРГК I 16).

Последнее позволяет сделать заключение, что слово *абатур* также могло быть образовано по типологически сходной схеме от архангельского глагола *отурить* 'перевернуть', *отурять* 'сваливать на бок, опрокидывать': *неладно ты сделал, флягу-то отурал* (Подвысоцкий 2006 : 338; СРНГ 24 : 348) и иметь в своей структуре семантический компонент 'перевернутый'.

По подобной модели, но более прозрачной в синхронии, образовано, напримур, гнездо слов от глагола *опрокинуть*, ср.: *опрокидень* 1. арх. 'оборотень': *чтобы, не ходили в моей поскотине черный зверь, широколапый, насилошный о п р о к и д е н ь и перехожий пакостник*; 2. 'завороженный, испорченный знахарем человек', 3. тихв., новг. 'опрометчивый человек'; 4. *бранное* волог., новг. 'сумасшедший, бешеный, бестолковый, торопыга' (СРНГ 23 : 300).

Учет сходных моделей семантического развития дает возможность визуализировать ряд промежуточных значений и в севернорусском бранном слове *абатур* 'упрямец' — тот, кто делает все против, наоборот — тот, кто другой, противоположный — противный — ненормальный⁶ — перевернутый → оборотень. Следовательно, основой эмфатического употребления слова *абатур* в отношении медведя в неестественном состоянии могло быть значение, близкое к значению слов *обертень, обертун, опрокидень, перевертень* и т. д.

5. Условия и факторы, обусловившие формирование слова *абутор* 'медведь-самец во время течки' < **абатур* 'оборотень'

В системе мифологической лексики как особого разряда слов, обозначающих ирреальные сущности и явления, и, соответственно, формирующееся по своим внутренним законам, *абутор* (первоначально **абатур*) может быть квалифицировано как вторичная (случайная, или косвенная) лексическая номинация, под которой понимается использование уже имеющихся номинативных средств в новой для них функции наречения.

По исследованиям О. А. Черепановой, вторичная номинация может иметь как языковой, так и речевой характер. В первом случае результаты номинации закрепляются на языковом уровне, во втором — употребляются окказионально, в несобственной номинативной функции. На основе вторичной номинации первого типа образована большая часть табуистических наименований, напр., табу домового: *большак, жихарь, он, домоседушко, хозяйушко* и т. д. (Черепанова 1983 : 56).

⁶ Ср., например, *отурый* 'очумелый, рехнувшийся' (СРНГ 24 : 347).

Употребление слова *абатур* с целью эвфемизации образа медведя в неестественном состоянии, по нашему мнению, может служить примером вторичной номинации второго типа. Сформировавшись как речевой феномен, эвфемизм не получил языкового статуса, т. е., по терминологии Черепановой, не стал вторичной номинацией первого типа, а бытовал как окказионализм.

Реконструированная мотивационно-номинативная ситуация несколько проясняет и вопрос о зырянском происхождении слова, поставленный В. И. Далем. Он может быть рассмотрен в аспекте взаимовлияния коми и русского языков. Из исторических источников известно, что древнекоми население, до появления русских дисперсно проживавшее западнее и южнее нынешних границ республики Коми, подверглось ассимиляции, хотя в восточных районах современных Архангельской и Вологодской областей отдельные «осколки» сохранялись вплоть до XVII века (Жеребцов 1982 : 31, 34–40). Как результат длительных культурно-исторических связей в пространстве севернорусских и зырянских говоров до сих пор сохраняется так называемая контактная лексика, в том числе, имеющая контаминационное происхождение.

Исходя из общих соображений, логично предположить, что на локальной территории со смешанным коми-русским населением русское слово в речи коми-зырян-билингвов ожидаемо подверглось трансформации в более привычную форму, возможно, с сохранением значения 'медведь-оборотень': рус. *абатур* → коми *абутор* (ср. коми *абутор* 'то, чего нет'), а затем использовалось уже в русской речи. Как известно, к особенностям мифологической лексики относится ее открытость для заимствований; в практике табуирования они весьма востребованы, так как позволяют именовать ирреальные объекты на основе «случайных или неявных, затемненных связей» (Черепанова 1983 : 55).

Заключение

Таким образом, в результате семантико-мотивационной реконструкции во внутренней форме слова *абутор* удалось выявить семантический компонент 'ирреальность объекта номинации', установить его связь с лексикой обратничества, восстановить первоначальную связь с бранным словом *абатур* 'упрямец' в его более раннем значении 'обертун, оборотень' и реконструировать искомый этимон слова *абутор* < **абатур* 'медведь-оборотень'.

В словарь В. И. Даля слово могло попасть из речи двуязычных или, что вероятнее, обрусевших зырян. Вместе с тем, нельзя исключить того, что оно было записано от русских уже в виде обратного заимствования. Косвенно об этом свидетельствует и сам факт, что окказионализм вообще удалось зафиксировать. Видимо, чужое слово с неясной внутренней формой как нельзя лучше подошло для табуирования такого «специфического» языкового концепта, как медведь в неестественном состоянии (во время гона или зимнего бодрствования).

Acknowledgements. The publication costs of this article were covered by the Estonian Academy of Sciences.

Address

Galina Fedyuneva

Institute of Language, Literature and History of the Komi Research Centre (Syktyvkar)

E-mail: gfedyuneva@mail.ru

ORCID. ORG: 0000-0003-4036-6106

Сокращения

Даль — В. И. Даль, Толковый словарь живого великорусского языка I—VI, Москва 1981—1982; **Дилакторский** — Словарь областного вологодского наречия по рукописи П. А. Дилакторского 1902 г., Санкт-Петербург 2006; **ККЯ** — Корпус коми языка. <http://komicorpora.ru/>; **Мифология** — Мифология коми, Москва—Сыктывкар 1999 (Энциклопедия уральских мифологий. Т.1); **РДЭС** — С. А. Мызников, Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов, Москва—Санкт-Петербург 2019; **РЭС** — А. Е. Анинкин, Русский этимологический словарь. Вып. 1 (а—аяюшка), Москва 2007 (Рукописные памятники Древней Руси); **СДКЯ** — Словарь диалектов коми языка 1—2, Сыктывкар 2012, 2014; **СРГК** — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей I—VI, Санкт-Петербург 1994—2003; **СРГНП** — Словарь русских говоров Низовой Печоры Т. 1, Санкт-Петербург 2003; **СРНГ** — Словарь русский народных говоров. Вып. 1—52, Санкт-Петербург 1966—2023; **ЭССЯ** — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 30, Москва 2003; **Фасмер I** — М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка I—VI, Москва 1986—1987; **Чудинов** — Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Материалы для лексической разработки заимствованных слов в русской литературной речи. Составлен под редакцией А. Н. Чудинова, Санкт-Петербург 1894.

Русские говоры: арх. — архангельские, **влад.** — владимирские, **волог.** — вологодские, **вят.** — вятские, **новг.** — новгородские, **олон.** — олонецкие, **perm.** — пермские, **сарат.** — саратовские, **тихв.** — тихвинские, **яросл.** — ярославские, **предслав.** — предславянская реконструкция.

ЛИТЕРАТУРА

- Бerezovich E. L. 2014, О семантико-мотивационной реконструкции лексики. — Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Филология, 199—214.
- Vinokurova I. Yu. 2015, Мифология вепсов. Энциклопедия, Петрозаводск.
- Жеребцов Л. Н. 1982, Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами, Москва.
- Зеленин Д. К. 1929, Табу слов у народов восточной Европы и северной Азии. Часть I. Запреты на охоте и иных промыслах, Ленинград.
- Konakov N. D. 1983, Коми охотники и рыболовы во второй половине XIX — начале XX в. Культура промыслового населения таежной зоны Европейского Северо-Востока, Москва.
- 1996, Традиционное мировоззрение народов коми. Окружающий мир. Пространство и время, Сыктывкар.
- Kuchko B. S. 2017, К этимологической интерпретации севернорусских слов со значением 'врать, обманывать'. — Научный диалог, № 10, 57—68.
- Maksimov S. B. 1903, Нечистая, неведомая и крестная сила, Санкт-Петербург.
- Moseev I. I. 2005, Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка, Архангельск.
- Petrushin B. Ya. 2005, Мифы финно-угров, Москва.
- Podvysotskij A. O. 2006 [1888], Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении, Москва.

- Пуцковский С. В. & Рублёва Е. А. & Буйновская М. С. 2019, Шатуны бурого медведя. — Вестник Удмуртского университета. Серия Биология. Науки о земле. Т. 29. Вып. 1., 124–136.
- Федюнёва Г. В. 1985, Словообразовательные суффиксы существительных в коми языке, Москва.
- Черепанова О. А. 1983, Мифологическая лексика русского Севера, Ленинград.
- 1996, Мифологические рассказы и легенды Русского Севера, Санкт-Петербург.
- Шомысов Д. И. 2015, Овёртыши-медведи в усть-цилемской суверной прозе: к проблеме выделения мифологического персонажа. — Рябининские чтения — 2015. Материалы VII конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера, Петрозаводск, 438–440.
- Fokos-Fuchs, D. R. 1951, *Volksdichtung der Komi (Syrjänen)*, Budapest.
- 1959, *Syrjänisches Wörterbuch*. Band 1, Budapest.
- Fuchs, D. R. 1923, *Beiträge zur Kenntnis des Volksglaubens der Syrjänen*. — FUF XVI, 237–274.
- Wichmann, Y. & Uotila, T. E. 1942, *Syrjänischer Wortschatz nebst Hauptzügen der Formenlehre*. Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet und herausgegeben von T. E. Uotila, Helsinki (LSFU VII).

GALINA FEDJUNJOVA (Sõktõvkar)

MÖISTATUSLIK KOMI SÖNA *abutop* 'KIIMAS ISAKARU'

Artiklis uuritakse vene murdesõna *abutop* 'kiimas isakaru' ja selle hilisemat üleskirjutust *abutop* 'talvel ärganud ringihulkuv karu'. Erinevatest leksikograafilistest, kultuuriloolistest ja usulised-mütoloogilistest allikatest pärit sõnavara analüüs põhjal väidetakse, et nimetus võib põhineda põhjavene sõnal *abatyr* (обатир) 'kangekaelne; vastandlik; see, kes teeb köike vastupidi'. Komi-vene tihedate kontaktide tingimustes muganes see komi kakskeelsete kõnes tuttava komi sõnaga *abutop* 'mitte midagi; see, mida ei ole' ja niisugusel kujul kirjutati sõna üles venelastelt või õigemini venestatud komilastelt tähenduses 'ebaloomulikus olekus (näiteks talvel ärganud) karu'.